

КОДИФИКАЦІЯ СОВѢТСКАГО ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

Новый декретъ о религіозныхъ объединеніяхъ, утвержденный президіумомъ ВЦИК-а и СНК Р. С. Ф. С. Р. 8 апрѣля и опубликованный въ «Извѣстіяхъ» 26-28 апрѣля, не является неожиданнымъ. Минувшимъ лѣтомъ въ совѣтской печати сообщалось, что совнаркомъ утвердилъ новую инструкцію по проведенію декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства отъ 23 января 1918 г. «Красная Газета» сообщила даже довольно много подробностей о ея содержаніи.

Тогда инструкція такъ и не появилась. Потребовалось цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ, чтобы привести ее въ окончательный видъ. При переработкѣ она приобрѣла болѣе высокій рангъ, нежели первоначально предполагалось. То, что недавно опубликовано — это не вѣдомственная инструкція, которая влилась бы въ массу разновременныхъ изданныхъ, а законодательный актъ, въ ст. 68 предписывающій пересмотръ всѣхъ противорѣчащихъ ему актовъ вѣдомственнаго происхожденія.

Не является и по существу неожиданнымъ то, что даетъ декретъ 8 апрѣля. Въ своей основѣ онъ представляется какъ бы кодификаціей тѣхъ инструкцій, циркуляровъ и разъясненій, которыми за одиннадцать съ лишнимъ лѣтъ обросъ основной декретъ 23 января 1918 г., который, между прочимъ, новымъ декретомъ не отмѣненъ. Кодификація является неполной: цѣлый рядъ вопросовъ, такъ или иначе разрѣшенныхъ вѣдомственными инструкціями и разъясненіями, оставленъ въ новомъ декретѣ открытымъ.

Какъ кодификаціонный актъ, декретъ 8 апрѣля представлялъ бы сравнительно малый интересъ для лицъ, знакомыхъ съ дѣйствующимъ церковнымъ правомъ совѣтскаго государства,¹⁾ если бы не одно, весьма важное обстоятельство: декретъ этотъ изданъ черезъ полтора года послѣ извѣстнаго посланія Митрополита Сергія и долженъ поэтому отражать въ себѣ то фактическое состояніе, которое создалось въ результатъ этого

¹⁾ О немъ см. мою статью: «Церковь и совѣтское государство», «Путь», № 10, стр. 53-85.

посланія. Въ декретѣ облекается въ форму правовыхъ нормъ рядъ положеній, о которыхъ мы могли догадываться только по разрозненнымъ сообщеніямъ. Ихъ совокупностью церковный строй узаконяется совѣтскимъ государствомъ въ гораздо бѣльшей степени, нежели это имѣло мѣсто раньше.

Но это узаконеніе дается недаромъ. Ему сопутствуетъ систематическое наступленіе на «религіозномъ фронтѣ», имѣющее задачей замкнуть церковь въ узкія рамки чисто-богослужебныхъ дѣйствій. И эта тенденція, какъ мы увидимъ, отчетливо проступаетъ въ новомъ декретѣ.

Организаціонныя облегченія начинаются съ низшей церковной ячейки — прихода. Въ Р. С. Ф. С. Р. 1) до настоящаго времени было двѣ формы легализаціи ихъ: 1) форма «группы вѣрующихъ», на основѣ инструкціи 24 августа 1918 года, по силѣ которой группы должны были состоять изъ не менѣе, нежели 20 человѣкъ, и 2) форма «религіозныхъ обществъ» на основѣ инструкціи 27 апрѣля 1923 года, примѣненіе которой открывало объединившимся вѣрующимъ значительно бѣльшія права, но предполагало наличность по крайней мѣрѣ 50-ти человѣкъ. Въ силу разъясненія 11 апрѣля 1924 года, эта вторая форма была предназначена преимущественно для сектантовъ и живоцерковниковъ, тогда какъ православные должны были довольствоваться менѣе удобной формой религіозной группы.

По декрету 8 апрѣля вопросъ ставится совершенно иначе. Въ силу ст. 3 его, религіозное общество есть мѣстное объединеніе не менѣе 20 вѣрующихъ одного и того же вѣроисповѣданія, направленія или толка, тогда какъ вѣрующимъ, которые, въ силу своей малочисленности, не могутъ образовать религіознаго общества, предоставляется право образовать «группу вѣрующихъ».

Такимъ образомъ, организація теперь возможна даже для самыхъ малочисленныхъ группъ вѣрующихъ, а организаціонное отличіе между привилегированными и непривилегированными исповѣдованіями отпадаетъ. Бѣльшія или меньшія права (ибо общества по-прежнему имѣютъ бѣльшія права, нежели группы) предоставляются вѣрующимъ только въ зависимости отъ ихъ численности въ данной мѣстности.

Какъ религіозныя общества, такъ и группы вѣрующихъ подлежатъ регистраціи въ административныхъ отдѣлахъ (въ городахъ) или въ волостныхъ исполнительныхъ комитетахъ (въ деревнѣ) (ст. 4 и 5), причемъ возможенъ и отказъ въ регистраціи (ст. 7), о мотивахъ котораго декретъ не говоритъ ничего. Уже существующія религіозныя объединенія подлежатъ перереги-

---

1) Декретъ изданъ членами этой республики и только на нее и распространяется.

страції (ст. 65), что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что большинство изъ нихъ пріобрѣтаетъ новую, высшую форму.

Только что приведенныя постановленія, несомнѣнно, открываютъ почву для административнаго произвола. Но регистрація была обязательна и до декрета 8 апрѣля, и ровно возможенъ былъ и отказъ въ ней. Если не будетъ дано какихъ-либо злостнаго характера тайныхъ инструкцій для перерегистраціи, то эти постановленія по существу ничего не измѣнятъ.

Весьма значительнымъ организаціоннымъ шагомъ впередъ является юридическое признаніе исполнительныхъ органовъ приходовъ. Такіе органы, въ составѣ трехъ лицъ въ религіозныхъ обществахъ и одного лица въ группѣ вѣрующихъ, подлежатъ избранію общими собраніями вѣрующихъ «для непосредственнаго выполненія функцій, связанныхъ съ управленіемъ и пользованіемъ культовымъ имуществомъ, а также въ цѣляхъ внѣшняго представительства» (ст. 13). По отношенію къ лицамъ, избраннымъ въ исполнительные органы религіозныхъ объединеній обоихъ типовъ, регистрирующимъ органамъ предоставлено право отвода (ст. 14), право, отъ использованія котораго будетъ въ сильной мѣрѣ зависѣть фактическое теченіе церковной жизни на основѣ новаго декрета.

Но, какъ бы то ни было, членамъ этихъ исполнительныхъ органовъ предоставляется теперь заключать «сдѣлки, связанные съ управленіемъ и пользованіемъ культоваго имущества, по пріобрѣтенію продуктовъ и имущества для совершенія религіозныхъ обрядовъ и церемоній, а также по найму помѣщеній для молитвенныхъ собраній» (ст. 11). На нихъ возлагается и расходваніе пожертвованныхъ суммъ (ст. 56). Въ качествѣ определенной непослѣдовательности, сохраняется и понятіе «двадцатки», принимающей въ свое вѣдѣніе молитвенное зданіе и культовое имущество (ст. 28).

Признается декретомъ и существованіе ревизіонныхъ комиссій (ст. 15). Засѣданія исполнительныхъ и ревизіонныхъ органовъ допускаются безъ разрѣшенія и даже увѣдомленія органовъ власти (ст. 16).

При изложенныхъ условіяхъ повтореніе въ декретѣ стараго правила, что религіозныя общества и группы не пользуются правами юридического лица, утрачиваетъ значительную долю остроты.

Какъ извѣстно, однимъ изъ наибольшихъ препятствій правильному функціонированію церкви было полное непризнаніе совѣтскимъ правомъ епархіальныхъ и центральныхъ управленій. Начиная съ инструкцій 27 апрѣля 1923 г., сталъ возможенъ, съ надлежащаго разрѣшенія, созывъ губернскихъ и всероссійскихъ съѣздовъ религіозныхъ обществъ и избраніе

ими исполнительныхъ органовъ. Декретъ 8 апрѣля повторяетъ постановленія этой инструкціи, но съ характернымъ добавленіемъ (ст. 24): инициаторами по созыву и организаторами религиозныхъ съѣздовъ, совѣщаній и конференцій могутъ быть религиозныя общества и группы вѣрующихъ, ихъ исполнительные органы, а также исполнительные органы религиозныхъ съѣздовъ, или, говоря проще, епархіальныя и патриаршее управленія. Разрѣшительная система остается — совѣтское государство не отказывается, конечно, отъ возможности наложить свою руку на вѣроисповѣданіе, съ которымъ оно сочтетъ нужнымъ посчитаться. Но благодаря отмѣченному выше измененію понятія религиознаго общества, созывъ съѣздовъ (=соборовъ) перестаетъ быть привилегіей покровительствуемыхъ исповѣданій и становится принципиально допустимымъ для всѣхъ.

Другимъ крупнымъ препятствіемъ правильному теченію церковной жизни являются произвольное расторгненіе мѣстными властями договоровъ съ религиозными группами и не менѣе произвольное закрытіе ими храмовъ. Новый декретъ вноситъ по этимъ вопросамъ нѣкоторыя, хотя и небольшія улучшенія.

Поводы къ расторгненію договоровъ на пользование молитвенными зданіями были до настоящаго времени весьма неопредѣленны. На практикѣ, договоры сплошь и рядомъ расторгались на почвѣ желанія мѣстной власти передать храмъ въ пользование другой, болѣе благонадежной группѣ. Декретъ 8 апрѣля устанавливаетъ, что расторгненіе договора возможно только въ случаѣ несоблюденія религиознымъ обществомъ его условій, а также въ случаѣ неисполненія какихъ-либо распоряженій административныхъ органовъ — о перерегистраціи, ремонтѣ и т. д. (ст. 43). Это постановленіе, конечно, легко можетъ быть обойдено путемъ предъявленія неисполнимыхъ требованій. Болѣе важно поэтому другое постановленіе, которое въ соотвѣтствіи съ практикой послѣднихъ мѣсяцевъ, запрещаетъ приступать къ фактическому изытію молитвеннаго зданія и культоваго имущества у вѣрующихъ до окончательнаго разрѣшенія вопроса президіумомъ ВЦИК-а въ случаѣ, если постановленіе мѣстной власти будетъ вѣрующими обжаловано (ст. 44): какъ показываетъ практика минувшаго десятилѣтія, президіумъ ВЦИК-а смотритъ на вещи нѣсколько иначе, нежели усердствующіе на мѣстахъ «безбожники» и, не менѣе этихъ послѣднихъ ненавидя церковь, направляетъ борьбу съ ней по менѣе грубому пути, нежели административное закрытіе храмовъ.

Аналогичное правило установилъ новый декретъ и примѣнительно къ случаямъ закрытія самыхъ храмовъ — и тутъ вопросъ оставляется на вѣсу до окончательнаго рѣшенія его президіумомъ ВЦИК-а (ст. 37). Самые же поводы къ закрытію

охарактеризованы такъ широко — «если зданіе необходимо для государственной или общественной надобности»¹⁾, — что соотвѣт. статья (36) никакой гарантіи вѣрующимъ не предоставляетъ. Къ этому основному поводу присоединенъ дополнительный: приходъ молитвеннаго зданія въ состояніе, угрожающее обваломъ. Порядокъ закрытія молитвеннаго зданія въ этомъ случаѣ почему-то разработанъ декретомъ съ исключительной тщательностью (ст. 46-53); къ обсужденію вопроса допускаются и представители вѣрующихъ.

По разнымъ частямъ декрета разбросаны и дальнѣйшія облегченія формально-организаціонной и богослужебной дѣятельности церкви. Исполнительнымъ органамъ религіозныхъ объединеній, а также религіозныхъ съѣздовъ предоставлено право пользованія штампами, печатями и бланками съ обозначеніемъ своего наименованія (ст. 23), тогда какъ до настоящаго времени это право считалось сомнительнымъ. Религіознымъ обществамъ прямо предоставлено право сооруженія новыхъ молитвенныхъ зданій (ст. 45), чѣмъ какъ будто осуждается практика противодѣйствія, однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ коей является прошлогодняя исторія съ сооруженіемъ церкви на заводѣ «Коммунистическій Авангардъ» подъ Владимиромъ. За членами религіозныхъ объединеній признано право производить складчины и собирать добровольныя пожертвованія какъ въ самомъ молитвенномъ зданіи, такъ и внѣ его (ст. 54) — право это на практикѣ нерѣдко отрицалось. Добровольныя пожертвованія, за исключеніемъ предметовъ, пожертвованныхъ на украшеніе храма, не вносятся въ инвентарную опись культоваго имущества (ст. 55) и, слѣдовательно, въ случаѣ ликвидаціи религіознаго общества не поступаютъ въ пользу государства, равно какъ ладанъ, свѣчи, вино, масло и уголь (ст. 40, п. «д»). Формально признаетъ новый декретъ право совершенія религіозныхъ обрядовъ по просьбѣ находящихся въ больницахъ или въ мѣстахъ заключенія умирающихъ или тяжело больныхъ (ст. 58, ч. 2). Въ общей формѣ разрѣшены крестные ходы вокругъ церковей (ст. 60)²⁾.

Этимъ частичнымъ улучшеніямъ противостоятъ нѣкоторыя организаціонныя ухудшенія. Въ силу ст. 10, каждое религіозное общество или религіозная группа могутъ пользоваться только однимъ молитвеннымъ зданіемъ, каковымъ постановленіемъ обрекаются на разрушеніе немногочисленные, правда, приходы,

---

¹⁾ Въ прошлогоднемъ проектѣ содержался запретъ ликвидаціи храма, если она угрожаетъ дальнѣйшему отправленію культа данной общины.

²⁾ Прошлогодній проектъ шелъ въ этомъ отношеніи значительно дальше.

располагающіе двумя или болѣе храмами. Районъ дѣятельности священнослужителей, проповѣдниковъ и наставниковъ ограничивается мѣстожителнѣствомъ членовъ обслуживаемаго ими религіознаго объединенія и мѣстонахожденіемъ соотвѣтствующаго молитвеннаго помѣщенія (ст. 19, ч. 1). Послѣднее правило устраняется, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда священнослужители и т. д. постоянно обслуживаютъ два или нѣсколько религіозныхъ объединеній (ст. 19, ч. 2). Такимъ образомъ, не возбраняется нѣсколькимъ небольшимъ приходамъ имѣть сообща одного священника; но, видимо, полагается предѣль практикѣ приглашенія выдающихся проповѣдниковъ для выступленія внѣ своихъ церквей; становится сомнительной и возможность сослуженія нѣсколькихъ священниковъ въ дни храмовыхъ праздниковъ и т. п.

Только что отмѣченныя стѣсненія малозначительны въ сравненіи съ тѣмъ, которое вытекаетъ изъ тенденціи запретить церкви всякую дѣятельность, за исключеніемъ богослужебной и формально-организационной. Запретъ этотъ выраженъ въ ст. 17, которая воспрещаетъ религіознымъ объединеніямъ: 1) заниматься просвѣтительной дѣятельностью, а именно организовывать собранія или кружки литературные, библейскіе или по изученію религіи, устраивать экскурсіи и дѣтскія площадки, открывать бібліотеки и читальни; 2) заниматься благотворительной дѣятельностью, а именно оказывать матеріальную поддержку своимъ членамъ, организовывать санаторіи и лечебную помощь; 3) заботиться о матеріальномъ благосостояніи своихъ членовъ, а именно создавать кассы взаимопомощи, кооперативныя и производственныя объединенія и устраивать руководльческіе и трудовые кружки. Статья эта вмѣшивается даже въ чисто богослужебную дѣятельность религіозныхъ объединеній, воспрещая устраивать спеціальныя молитвенныя собранія для дѣтей, юношества или женщинъ.

Общій смыслъ статьи ясенъ. Она направлена противъ той широкой дѣятельности по «христіанизации населенія», которую развиваетъ церковь на основѣ одного изъ посланій митрополита Сергія, неизвѣстнаго намъ въ подлинникѣ, но дошедшаго до насъ въ передачѣ иностранныхъ корреспондентовъ. Въ декретѣ 8 апрѣля совѣтское государство какъ бы говоритъ церкви: «Я больше не буду мѣшать чисто богослужебнымъ отправленіямъ церкви; не буду больше раздроблять и церковной іерархіи; но взамѣнъ требую, чтобы церковь отказалась отъ всякихъ попытокъ вліять на жизнь внѣ стѣнъ молитвенныхъ зданій и внѣ случаевъ совершенія богослужебныхъ актовъ».

Положеніе церкви при дѣйствіи новаго декрета можетъ показаться чрезвычайно тяжелымъ, если не принять во вниманіе

два обстоятельства. Во-первых, значительная часть только что приведенных декретов даже формально является новшеством только в С. Р. Ф. С. Р., к которой декрет относится. На Украинѣ многіе изъ нихъ дѣйствуютъ уже нѣсколько лѣтъ¹⁾, не приводя по существу къ значительнымъ отличіямъ положенія православной церкви въ этой части совѣтскаго союза сравнительно съ положеніемъ ея въ другихъ. Но и въ Р. С. Ф. С. Р. дозволенными, т. е. закономъ предоставленными гражданамъ, вышеприведенныя дѣйствія никогда не были. Права устраивать какіе-либо кружки, кассы взаимопомощи, бібліотеки и т. д. у вѣрующихъ также не было, какъ нѣтъ его у совѣтскихъ гражданъ вообще.

Во-вторыхъ, значеніе декретныхъ запретовъ ослабляется рефлексивнымъ дѣйствіемъ фундаментальнаго правила объ отсутствіи у религіозныхъ объединеній правъ юридическаго лица. Не имѣющія такихъ правъ человѣческія объединенія, какъ таковыя, вообще не могутъ дѣйствовать; значитъ, и до декрета 8 апрѣля работу по «христіанизации населенія» могли вести не религіозныя объединенія, а только отдѣльныя лица, входящія въ ихъ составъ. Для нихъ новаго запрета не издано, и весь вопросъ въ томъ, найдется ли и въ дальнѣйшемъ достаточное количество мужественныхъ церковныхъ дѣятелей, которые продолжали бы запрещенную имъ не больше, нежели другимъ гражданамъ, просвѣтительную или благотворительную дѣятельность.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что декретъ 8 апрѣля знаменуетъ отказъ власти отъ двухъ мѣропріятій, сохранившихся въ силѣ со времени борьбы совѣтской власти противъ патріарха Тихона. Ст. 67 его отмѣняетъ, прежде всего, декретъ 27 декабря 1921 г. о цѣнностяхъ, находящихся въ церквахъ и монастыряхъ, то знаменитое постановленіе объ изъятіи церковныхъ имуществъ, которое до послѣдняго времени давало совѣтскимъ органамъ право изымать укрываемыя тогда церковныя имущества. Новыя изъятія становятся, какъ будто, невозможными.

Та же статья отмѣняетъ декретъ 30 іюля 1923 г. о перенесеніи на новый стиль дней отдыха, отвѣчающихъ православнымъ праздникамъ, и дополнительное къ нему постановленіе 14 августа того же года. Декреты эти были попыткой оказать посильную услугу живоцерковникамъ, которые перешли на новый стиль. Декреты привели къ тому, что православные праздники оказались рабочими днями, и что въ году возникло нѣсколько рабочихъ дней, не отвѣчающихъ ни революціоннымъ годовщинамъ, ни какимъ либо чтимымъ церковью днямъ. По данному

¹⁾ См. мою цитир. статью, стр. 80.

вопросу государство уступило полностью и вернулось къ позиціи, которую занимало съ 1918-1923 г.

Изъ краткаго обзора декрета 8 апрѣля видно, что по многимъ вопросамъ положеніе еще не выяснилось. Не видно еще, какъ будутъ использованы такія постановленія его, какъ статьи о перерегистраціи или объ отводѣ членовъ церковныхъ совѣтовъ. Не видно, насколько дѣйствительнымъ окажется запретъ религіознымъ обществамъ заниматься всякой дѣятельностью, кромѣ богослужебной и организаціонной. Не видно, въ какую форму выльются косвенно затронутыя декретомъ вѣдомственныя распоряженія подчасъ большой важности.

Выяснится это все не такъ скоро, ибо церковь вообще не торопится въ своихъ актахъ и рѣшеніяхъ, а совѣтское государство, потерпѣвъ неудачу въ политикѣ наскока, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе становится на линію тихой сапы. Несомнѣнно одно: практическое испытаніе, которому подвергается позиція митрополита Сергія, вступаетъ въ новую и рѣшительную фазу.

Н. С. Т и м а ш е в ъ

